

Татьяна Хлынина, Игорь Васильев

УКРАИНИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

История национальной политики государства победившего пролетариата и ее последствия для судеб народов некогда единой страны все чаще оказываются вовлеченными в большую политику. Счеты с прошлым сводят не только активисты национальных движений, но и целые научные коллективы. Давно уже позабыты высокие цели, ради которых, собственно, и начиналось высвобождение истории российских народов из-под гнета «обветшалой» марксистской теории и имперских амбиций союзного центра. На их обломках строятся новые здания российской и национальных историографий, фундаменты которых нередко покоятся на взаимоисключающих основаниях и все той же политической конъюнктуре. В результате обновленное прошлое превращается в очередную кровоточащую рану, а поиск научной истины – в масштабные историографические баталии.

В истории российско-украинских отношений таких незаживающих ран на сегодняшний день насчитывается немало. Одной из них следует признать политику украинизации, проводившуюся советским государством, как на самой Украине, так и во внутренних областях Российской Федерации в 1920-х – начале 1930-х гг. О ее сути, механизмах реализации и последствиях неоднократно писали как российские, так и украинские историки². Из сотканного ими полотна мотивов, подводных течений и текущих потребностей власти процесс украинизации предстает злонамеренным орудием национальной политики правящей партии, единственной целью которой являлось «обслуживание нужд антинародного режима». Между тем, как свидетельствуют многочисленные архивные документы и воспоминания современников, у истоков этого «антинародного режима» и его разнообразных

ответвлений стояли не только твердые искровцы. В его формировании принимали участие самые широкие слои населения, чьи нужды и чаяния нашли свое отражение и в проводившейся советской властью национальной политике. Одним из ее проявлений стала украинизация, которая, как и любое иное начинание в этой области, не сводилась к решению лишь сугубо национальных вопросов.

Авторы настоящей статьи равно далеки, как от апологетики, так и порицания «украинского эксперимента» советской власти. Их цель намного труднее – подняться над политическими пристрастиями нынешнего времени и попытаться ответить на вопрос о том, чем же была украинизация для политического руководства страны в 1920-е – 1930-е гг., и какова причина ее столь неоднозначного восприятия современной историографической практикой.

Представляется, что болезненное и нередко принимающее форму безапелляционных суждений исследовательское восприятие украинизации связано, прежде всего, с теми изменениями, которые переживает в настоящее время постсоветская историческая наука. Оказавшись заложницей большой политики и получив долгожданную свободу в истолковании прошлого, она столкнулась с неизбежной в таких случаях дилеммой институционального выбора: замкнуться в профессиональной башне из слоновой кости или стать выразителем чаяний народного самосознания. Принципиальная неразрешимость подобного выбора, в конечном итоге, и привела историческое знание к его нынешнему положению *ultimo ratio* в спорах не только о прошлом, но и настоящем тех или иных народов и государств. При этом складывающийся формат исследовательских практик, их все большая вовлеченность в водоворот современной жизни и нацеленность на удовлетворение ее потребностей вовсе не отменяют требований классической историографии об обязательной опоре исторического труда на неопровержимое свидетельство прошлого.

В настоящее время в научный оборот введено огромное количество источников как по национальной политике советского государства в целом, так и по украинизации в частности. На их основе сформированы и активно противоборствуют две взаимо-

исключающие позиции. Одна из них рассматривает украинизацию как орудие подавление национальных интересов Украины, видя в ней не более чем «обходной маневр советов», другая, напротив, связывает ее со становлением и последующим развитием государственности украинского народа и роста его национального самосознания. Показательно, что обе они основываются на не вызывающих сомнения документальных свидетельствах, зачастую подкрепляемых воспоминаниями очевидцев. Профессиональная эйфория, вызванная открытием архивов начала 1990-х гг., к настоящему времени себя полностью исчерпала и сменилась не менее оптимистической верой в безграничные возможности новых методологий. «Война документов» сменилась конфликтом интерпретаций, в подавляющем своем большинстве так и не поднявшихся до уровня полноправных теорий.

В истолковании советской национальной политики и ее региональных проявлений одним из наиболее продуктивных концептов на сегодняшний день, пожалуй, выступает концепт «империи положительной деятельности». Предложенный американским историком Т. Мартином, он подчеркивает особую природу советского союзного государства, основу национальной политики которого составила практика исправления дискриминационного положения советских народов в прошлом. Практики «позитивной дискриминации» не только предопределяли собою основные мероприятия власти в области хозяйственного и культурного развития бывших «национальных окраин», но и те подчас малообъяснимые зигзаги, которым была подвержена национальная политика в 1920-е – 1930-е гг.

В рассматриваемый период времени советской властью проводилась так называемая политика коренизации. Ее суть заключалась в широком вовлечении в советское строительство «нерусских трудящихся масс» посредством их выдвижения на советскую и партийную работу, перевода производственной документации органов власти на национальные языки, удовлетворения культурных запросов. Осуществление политики коренизации в отношении украинского населения получило название украинизации. Она проводилась не только на Украине, но и за ее пределами. В сфере ее влияния оказались территории Приазовья, Кубани, Воронежской и Курской губерний (зоны традиционного

«выхода» малороссийского крестьянства), где наряду с этническими украинцами проживало и немалое количество русских. Особое внимание уделялось Кубани как наиболее «украинской» из российских территорий.

Украинизация получила широкий размах и уже в то время породила массу досужих вымыслов среди населения относительно истинных намерений власти: от наивно-прагматических *«наверху виднее кто из нас украинец, а кто скрытый москаль»* до политически небезопасных *«отдадут нас всех украинским пановам»*³. Каковы же причины проведения украинизации и ее столь противоречивых оценок?

После окончательного установления советской власти ее представители сразу же проявили интерес к украинской проблематике. Новая власть остро нуждалась во внутренних союзниках, которыми в первую очередь виделись нерусские народы. Многие советские лидеры полагали, что «белорусская, украинская и все другие нации СССР формировались почти с нуля, и в их культуру и идентичность можно было заложить коммунистический культурный код»⁴. Однако руководитель советского государства И.В. Сталин считал недопустимым чрезмерное развитие национальных пристрастий советских народов. Особенно опасным для единства страны ему представлялся украинский национализм. По воспоминаниям С.А. Микояна, «у Сталина было два пугала: украинский национализм и ленинградская оппозиция»⁵. Между тем, до начала 1930-х гг. он не обладал абсолютной властью и вынужден был считаться с мнением соратников по партии, реалиями и тенденция социально-политической жизни страны того времени.

Украинизация усилилась в ходе проведения районирования – административно-территориальной реформы, в ходе которой закладывались новые этнические границы и принципы хозяйствования. Более того, она совпала и с началом политики коренизации, провозгласившей переход к полному раскрепощению всех народов СССР от национального и социального гнета, а также приобщение их к достижениям советской власти. Так, на Кубани украинизация рассматривалась одним из средств «повышения эффективности культурно-политической работы» со станичниками. Посредством осуществления связанных с нею мероприя-

тий в сознание и жизнь кубанцев внедрялись идеи социалистического строительства. Недаром украинизация пришлась на организацию в станицах сети хат-читален, появление радиоточек и проведение кинопоказов⁶. Среди мероприятий по украинизации Кубани значились антирелигиозная пропаганда, работа по активизации женского движения и бедноты⁷. Например, весной 1929 г. украинская секция при Агитационно-пропагандистской отделе Черноморского округа ВКП (б) была ответственна за проведение антипасхальной компании среди украинцев г. Новороссийска⁸.

Украинизация стала и способом отвлечения сельских масс от борьбы за свои насущные интересы. Она совпала с форсированным землеустройством, которое было призвано разрушить казачью общину; непрерывным повышением налогов и лишением массы кубанцев избирательных прав, грабительскими хлебозаготовками и коллективизацией⁹. Культурно-пропагандистские мероприятия должны были существенно облегчить слом традиционного уклада жизни кубанской станицы. Недаром сплошная коллективизация увязывалась властями с ликвидацией неграмотности¹⁰. Проведение коренизации напрямую связывалось и со стремлением власти повысить эффективность колхозного строительства¹¹. Показательно, что раздел «Страничка колхозника» в краснодарской газете «Красное знамя» выходил в начале 1930-х гг. на украинском языке¹² [11, с.4]. Украинизация должна была подготовить сельское население к образу жизни, характерному для индустриального общества¹³. Ощущая на себе грядущие перемены, станичники полагали, что *«советская власть подлазит к нам с помощью украинизации. Раньше нам не давали ходу. Теперь придумали украинизацию, что бы опять нам ходу не дать»*¹⁴.

Существенная роль в проведении украинизации отводилось и международной составляющей. Власть стремились оторвать советских украинцев от украинской эмиграции, западноукраинских националистов. Последние в течение 1920-х гг. смогли потеснить набравшее было силу коммунистическое движение на украинских территориях, подконтрольных Польше¹⁵. Так же необходимо было дискредитировать пропаганду, которую вели в их отношении западные страны, в особенности, Польша. Развернув

украинизацию, СССР стремился, тем самым, привлечь на свою сторону и украинцев, живущих в Польше, в Чехословакии и Румынии¹⁶.

Еще одной веской причиной проведения украинизации стало желание И.В. Сталина использовать национально ориентированных коммунистов Украины в своей борьбе с Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым. Опираясь на неверно истолкованную поддержку И.В. Сталина, украинские национал-коммунисты стали активно отстаивать позицию широкой самостоятельности союзных республик в ущерб центру. Дело в том, что с начала XX в. в украинском национальном движении преобладали партии социалистической ориентации. Украинский народ рассматривался ими как угнетенный этнокласс, которому для оформления в нацию недоставало государственной самостоятельности¹⁷. В большой политической игре, где ставкой, с одной стороны, оказывалась всемирная победа пролетарской революции, а с другой, – достижение национальной независимости, обе стороны охотно подыгрывали друг другу.

Вместе с тем, украинские социал-демократы активно сотрудничали с Л.Д. Троцким¹⁸. Друг и соратник Л.Д. Троцкого Х.Г. Раковский возглавлял правительство Украины и был членом Политбюро ЦК КП(б)У с 1919 по 1923 г. Х. Г. Раковский самым решительным образом поддерживал «местный национализм» в среде коммунистов, выступал за децентрализацию и национализацию компартий¹⁹.

Х.Г. Раковскому и украинским национал-коммунистам наряду с грузинскими социал-демократами принадлежит важнейшая роль в провале сталинского плана «автономизации». В письме В.И. Ленину И.В. Сталин писал: «... молодое поколение коммунистов на окраинах ведут игру в независимость, отказываются принимать как игру, упорно принимают слова о независимости за чистую монету, и так же упорно требуют от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем должны подчиняться центру..., то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»²⁰. Однако тогда И.В. Сталину пришлось уступить украинскому давлению.

Некоторое время ему приходилось уступать украинским национал-коммунистам и в культурно-языковых вопросах. Эти уступки не были связаны ни с силой украинского национализма, ни с позицией его лидеров. И.В. Сталину необходимо было укрепить собственное положение внутри партии и создать исправно работающую вертикаль власти. Украинизация государственного аппарата Украины стала активно использоваться им для выдвижения молодых кадров, лояльных власти²¹. Этот процесс имел место и на Кубани: украинизация активно использовалась для привлечения молодежи из рабоче-крестьянской среды. Так, при наборе в Краснодарский педагогический институт предпочтение отдавалось украинцам из семей рабочих, батраков и крестьян-бедняков²².

Украинские коммунисты, среди которых было немало бывших членов национал-коммунистических партий, ратовали за присоединение к УССР обширных районов с преобладающим украинским населением, а также широкое развитие в них украинской национальной культуры²³. В сферу их интересов входила Кубань и некоторые другие районы РСФСР. Многие члены ЦК ВКП (б) с сомнением относились к инициативам украинских национал-коммунистов. Однако вплоть до 1928 г. эти идеи неоднократно обсуждались среди советского руководства. Затем было принято решение оставить Кубань и другие «украинские» районы в составе РСФСР, но провести на их территории полномасштабную украинизацию²⁴.

Свою роль в принятом решении относительно той же Кубани сыграла и осознаваемая большевистским руководством слабость собственной социальной базы. Особое опасение власти вызывало сословное самосознание казачества, которое и предстояло заменить «национально-украинским». С этой целью большевики попытались заручиться поддержкой активных украинофилов. Последние были в основном представлены сельской интеллигенцией, тесно соприкасавшейся с «хлеборобской массой»²⁵.

На самой Украине курс на всеобщую украинизацию был взят уже в 1923 г.²⁶ [25, с.107]. Посредством ее проведения на территории РСФСР И.В. Сталиным была получена поддержка украинской парторганизации в борьбе, как с левым, так и с правым уклоном в партии; ослаблены позиции Х.Г. Раковского, в результате

чего на первые роли в республике стал выдвигаться его ярый противник Н.А. Скрыпник. Он заменил главного идеолога украинизации национал-коммуниста А.Я Шумского, видевшего в ней прямой путь обретения Украиной государственной независимости. Под руководством Н.А. Скрыпника в июле 1927 г. Всеукраинский ЦИК и СНК УССР издали постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». В соответствии с ним был взят курс на всеобщую языковую украинизацию территории Украины, перевод на украинский язык образования, делопроизводства и пропагандистских мероприятий. За сравнительно небольшой промежуток времени было украинизировано 80 % школ и 30 % вузов. В 1928 г. была проведена реформа украинского правописания, в результате которой украинский язык получил свою «графическую самостоятельность»²⁷.

Подобные издержки украинизации не могли не беспокоить союзное руководство. К тому же И.В. Сталин достаточно укрепил режим своей власти и больше не нуждался в союзниках, лояльность которых убывала по мере усиления украинизации. 10 декабря 1932 г. ЦК ВКП (б) обсуждал вопрос о хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области. И.В. Сталин подверг резкой критике главного вдохновителя украинизации в российских регионах Н.А. Скрыпника. Принятое 14 декабря 1932 г. по итогам заседания постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» ознаменовало собою важный поворот в национальной политике советского государства. Ответственность за срыв хлебозаготовок была возложена на национально ориентированные украинские партийные кадры. В постановлении говорилось о том, что назрела необходимость очистить местные парторганизации и правления колхозов от украинских и кубанских самостоятников²⁸.

Не остался незамеченным для союзного руководства и интерес, который проявляли к украинизации эмигрантские антисоветские круги. Они пытались представить ее вынужденной уступкой украинскому давлению²⁹. И.В. Сталин заявил, что украинский национализм действует «на руку Пилсудскому и стоящим за ним западным антисоветским силам»³⁰. Особое его возмущение вы-

звало отсутствие на Украине должной партийной дисциплины, проявившейся в пересмотре украинскими партийными работниками норм хлебозаготовок. Говоря на XVII съезде партии о национальном вопросе, И.В. Сталин заявил: «Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение, такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей в других национальных республиках»³¹.

Со временем появилось и отчетливое понимание того, что украинские политики попытаются использовать украинизацию в своих целях. К началу 1930-х гг. очагами антисоветского сопротивления стали те районы Кубани, где работали сотрудники Наркомата народного просвещения УССР и активисты национального возрождения³². Так, «самая украинская» кубанская станица Полтавская характеризовалась в политдонесениях ОГПУ как «наиболее контрреволюционно активная». На территории станицы действовали «крупные банды и контрреволюционные организации украинской направленности»³³.

В ожидании всплеска недовольства, вызванного коллективизацией и начавшимся голодом, власти решили обезвредить российских украинцев («украинофилов») как «идейно вооруженную» силу, могущую возглавить крестьянское сопротивление. По оценкам властей, украинцы выделялись среди советских национальностей высоким уровнем образованности и самосознания, широкой территорией расселения и мощной партийной организацией. Украинские коммунисты уже проявили свою самостоятельность во время хлебозаготовительных компаний рубежа 1920–1930 гг. и вполне могли бы оказаться детонатором зреющего недовольства³⁴.

В ходе украинизации усилились позиции и национальной интеллигенции, подтверждением чему являлись украинские учебники конца 1920-х – начала 1930-х гг. Некоторые из них имели «слабую коммунистическую идейную составляющую», зато отличались сильным «национальным акцентом». Отмечался рост национального самосознания украинизированного населения, что нередко приводило к вспышкам антисемитских и антирусских настроений³⁵.

На фоне участвовавших издержек и укрепления позиций союзного центра политика украинизации подлежала неизбежному

свертыванию. В первую очередь речь шла о приостановке украинизации на территориях РСФСР, а затем и Украины. При этом размах репрессий против ее сторонников был везде одинаков. Уже в августе 1932 г. И.В. Сталин констатировал «серьезное неблагополучие в украинских партийных организациях, засилье в них скрытых националистов и иностранных агентов». На Украину был вновь направлен отозванный чуть ранее Л.М. Каганович, а председатель СНК Украины В.Я Чубарь переводился в Москву. В ноябре 1932 г. на Кубани было «вычищено» из партии 43% коммунистов с «украинским уклоном», 5 тыс. из них арестовано. На Украине аресту подверглись 2 тыс. председателей колхозов³⁶.

26 декабря 1932 г. постановлением Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета украинизация на территории края была приостановлена. Выпуск периодических изданий на украинском языке и всякая издательская деятельность в срочном порядке прекращены. Оставшиеся газеты должны были в трехдневный срок перейти на русский язык. Радиовещание подлежало немедленной русификации. Официальное делопроизводство переводилось на русский язык в четырехдневный срок к 1 января 1933 г. Все школы планировалось русифицировать к осени 1933 г. Как вспоминал очевидец того времени, *«в тридцать третьем в школу пошел. Украинский язык был кругом на Кубани. Занимались в школе на украинском языке. С полгода. А с полгода – на русский перевели»*³⁷ [36].

В одном из краевых постановлений 1933 г. отмечалось, что «украинизация ряда районов и станиц, проводившаяся на Северном Кавказе, не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций»³⁸ [37]. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 10 января 1933 г. отмечалось, что «в период успешной ликвидации капиталистических элементов в городе и кулачества в деревне разные украинизаторы на территории украинских районов РСФСР ... оживили все националистические элементы, переходя на путь вредительства, ... контрреволюционного саботажа... Все это заставляет партию и правительство перевести все украини-

зированные учреждения и школы на территории РСФСР на русский язык»³⁹.

В январе 1933 г. на Украину был направлен П.П. Постышев для обеспечения выполнения плана хлебозаготовок и инспектирования состояния украинской парторганизации. По итогам его поездки украинизация была признана «перегибом национальной политики партии», а ее идеолог Н.А. Скрыпник в июле 1933 г. покончил жизнь самоубийством.

Столь неожиданное, на первый взгляд, завершение политики украинизации имело вполне реальные причины, обусловленные как доктринальными представлениями советского руководства и, прежде всего, И.В. Сталина о сути национальной политики, так и текущими задачами советского строительства. Руководство союзного центра изначально не мыслило украинизацию «всерьез и надолго». Она рассматривалась им одной из возможностей вовлечения украинского населения ряда российских областей и Украины в «русло социалистического строительства». Вместе с тем, исходя из понимания важности «украинского вопроса» для стабильного развития союзного государства, украинизация должна была стать и некой «откупной» для Украины, привести к созданию советской власти по-украински.

Начавшийся рост национального самосознания российских украинцев, грозящий вылиться в антисоветские выступления; протестные акции со стороны вовлеченного в круговорот украинизации русскоязычного населения, как во внутренних областях РСФСР, так и на Украине; опасно возросшая самостоятельность украинских коммунистов привели союзное руководство к признанию ошибочности политики украинизации. Ее поспешное свертывание, сопровождавшееся чистками партийных и советских активов, арестами и тюремными заключениями сторонников «украинского дела» породили огромное количество слухов и взаимоисключающих оценок «украинской» политики власти. При этом, несмотря на все свои негативные издержки, она не была «преступным орудием антинародного режима». Как и многие иные начинания советской власти, украинизация являлась лишь средством воплощения в жизнь ее стратегических замыслов и текущих задач. К сожалению, исповедуемые властью идеи не принесли народам ни национального мира, ни социального

благополучия. Украинизация оказалась одинаково противопоказанной как советским украинцам, ради которых она и затевалась, так и советской власти, ставшей заложницей собственной политической игры.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

² О состоянии российско-украинской историографии данного вопроса см. подробнее: Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации / Е.Ю. Борисёнок. – М.: «Европа», 2006. – 256 с.

³ Национальный архив Республики Адыгея. – Ф.Р. – 4. Оп.1. Д.11. Лл.4 – 6.

⁴ Белый А. Переосмысливая Голодомор. URL: www.apn.ru.

⁵ Рыбас С.Ю. Сталин / С.Ю. Рыбас. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С.247.

⁶ Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» / В. Харченко // Зори. – 2008. – 1 мая. – С.3.

⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). – Ф.Р. – 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 28, 32.

⁸ Там же. – Ф.Р. – 9. Оп. 1. Д. 923. Л. 5.

⁹ Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925 – 1932 гг. / О.В. Бершадская // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар, 2000. – С. 123.

¹⁰ По-боевому готовимся к районному культсъезду // Армавирская коммуна. – 1931. – № 9. – С.6.

¹¹ Краевое совещание по вопросам работы среди нацменьшинств // Молот. – 1932. – № 3163. – С.6.

¹² Там же. – С.4.

¹³ ЦДНИКК. – Ф.Р. – 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 6.

¹⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области. – Ф.Р. – 7. Оп.1. Д. 658. Л. 8.

¹⁵ Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования / Дж. Амстронг. – М.: Центрполиграф, 2008. – С.20 – 21, 24.

¹⁶ Борисенок Е.Ю. – Указ. соч. – С.5, 86.

¹⁷ Мирошниченко П.Я., Мирошниченко Н.П. Эволюция украинского национализма / П.Я. Мирошниченко, Н.П. Мирошниченко // Имперское возрождение. – 2010. – № 3. – С.62, 92.

¹⁸ Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2010. – С.213.

¹⁹ Мельниченко В.Е. Раковский против Сталина / В.Е. Мельниченко. – М.: «Знание», 1991. – С.7 – 13.

²⁰ Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. – С.356.

²¹ Там же. – С.170.

²² Чирва К.И. Готовьтесь в пединститут / К.И. Чирва // Красное знамя. – 1929. – № 151. – С. 3

²³ Ручка. О приёме украинцев в Краснодарский педагогический институт / Ручка // Красное знамя. – 1929. – № 151. – С.

²⁴ Борисенок Е.Ю. – Указ. соч. – С.17, 70.

²⁵ Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. URL: www.day.kiev.ua/178897.

²⁶ Борисенок Е.Ю. – Указ. соч. – С.107ю

²⁷ Там же. – С.248 – 249, 381.

²⁸ Борисенок Е.Ю. – Указ. соч. – С.36.

²⁹ Кубанская ЧК. Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. – Краснодар: «Советская Кубань», 1997. – С.119.

³⁰ Иванцов И.Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920 – 1934 / И.Г. Иванцов. – Краснодар, 2008. – С.247.

³¹ Сталин И.В. Отчётный доклад XVII съезду партии / И.В. Сталин // Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – Т. 13. – С.247, 382.

³² Миронин С.С. «Голодомор» на Руси / С.С. Миронов. – М.: Алгоритм, 2008. – С.51.

³³ Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева. – Краснодар.: Кубанский государственный университет, 2007. – С.35.

³⁴ Борисенок Е.Ю. – Указ. соч. – С.215.

³⁵ Там же. – С.179, 240.

³⁶ Рыбас С.Ю. – Указ. соч. – С.333 – 334, 337,351.

³⁷ Материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горяческлучевской район, ст. Бакинская, информатор – А.Д. Петько, запись – О.В. Матвеева.

³⁸ Государственный архив Краснодарского края. – Ф.Р. – 15 94. Оп. 1. Д. 50. Л. 614.

³⁹ Голод 1932 – 1933 годов: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Круглый стол в Центре украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. 10 декабря 2007 года. М.: Изд-во ист. ф-та МГУ, 2008. – С.113.